

A movie poster for 'Devotchka Bandita'. It features a man with a beard and a woman with long brown hair. The man is wearing a black leather jacket and multiple necklaces. The woman is wearing a red off-the-shoulder top. The background is dark and textured.

ЕКАТЕРИНА
РОМЕРО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Девочка
БАНДИТА

18+

Екатерина Ромеро

Девочка бандита

Серия «Криминальная любовь»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67431864

SelfPub; 2023

Аннотация

Я не помню кто я, и как оказалась в этих крепких мужских руках. Он называет себя моим мужем, а я... боюсь смотреть ему в глаза. Я извивалась и отчаянно мычала, но мои попытки были ничем по сравнению с обрушившейся на меня силой.— Помогите! Прошу, кто-нибудь! Это было похоже на игру в кошки-мышки. Трое мужчин бандитской наружности забавлялись со мной. Они перекидывали меня с рук в руки, вселяя адский ужас и источая предельное удовольствие от происходящего.— Кто вы? Зачем вы меня сюда привезли?!— Не брыкайся, и уйдешь живой от сюда. Не то ногами вперед вынесут. Содержит нецензурную брань. Девственница От ненависти до любви Жестокий герой

Екатерина Ромеро

Девочка бандита

Пролог

Медленно открываю глаза. Вокруг меня белые стены. Какие-то приборы пищат над ухом. Кто-то за стеной кричит. Осматриваюсь. Кажется, я в больнице. Пытаюсь подняться и тут же вскрикиваю от жуткой боли в груди. Ребра обдаёт жаром, будто в них воткнули острые кинжалы.

Перевожу взгляд на ладони. Все в синяках, одна рука загипсована до локтя. Что со мной произошло?

В какой-то момент понимаю, что не могу вспомнить, как меня зовут. Я не знаю, откуда я и как сюда попала. Как это вообще возможно? В голове одновременно роятся сотни мыслей, но я не могу собрать их в кучу.

Внезапно алой вспышкой перед глазами проносится ночь. Я отчетливо вспоминаю, как меня кто-то качает на руках, поглаживая по голове. Кажется, я болела тогда или мне было почему-то очень больно. Как ни стараюсь, не могу вспомнить лицо или имя. Только жар тела и очень приятный запах. Да, он мне определенно нравится. Кто же это был?

Отчаянно стараюсь отмотать последние дни или даже годы своей жизни, но вижу только пелену. Чем больше напрягаюсь, тем сильнее у меня болит голова, перед глазами мелькают разноцветные круги. Кажется, я совсем ничего не пом-

ню... Боже, что со мной? Я что, сошла с ума?!

Паника захлестывает меня с головой, я и не замечаю, как начинаю плакать в голос.

– Помогите! Кто-нибудь! Подойдите ко мне. Ну хоть кто-нибудь.

На мои крики вскоре приходит пожилая медсестра.

– Тише-тише, девочка. Все нормально. У тебя болит что-то?

– Да, тут болит. – Показываю на ребра. – Где я, что со мной случилось?

– Ты в первой городской больнице. Мне жаль, но ты перенесла насилие и автомобильную аварию. Не переживай, то, что ты уже пришла в себя, очень хорошо.

– Что? Нет-нет, подождите, о чем вы говорите? Я не помню такого. Не было этого! Я не помню... Что со мной?! Что со мной такое?!

Медсестра встревоженно смотрит на меня.

– Я позову врача, лежи спокойно.

Она пыталась успокоить меня, но я отчаянно старалась встать с постели. Тогда эта жуткая женщина вернулась со шприцом в руке и вколола мне какую-то дрянь, после чего я почти сразу же вырубилась.

Не знаю, сколько я спала, но, когда очнулась, начали приходить доктора и осматривать меня, словно подопытного кролика. А еще они задавали кучу вопросов, на которые я не знала ответов. Это было похоже на какой-то кошмар, от

которого я не могла проснуться.

Пожилой мужчина, который назвался моим лечащим врачом, дольше всех поводил тесты. После каждого моего ответа он что-то записывал в свой блокнот.

— Что со мной?

— Амнезия. Развилась вследствие шока от изнасилования и автомобильной аварии. Судя по тестам, вы не помните как минимум последние годы жизни. Но не волнуйтесь, шансы на то, что память когда-нибудь вернется, безусловно, есть.

— Какая авария, какое изнасилование... Нет! Вы все врете, этого не могло случиться со мной! Выйдите отсюда, выйдите все вон!

В тот момент я не знала, что было хуже: изнасилование, авария или потеря памяти. Эти новости были настолько страшными, что я просто не верила в их реальность.

Внутри меня разгорается пожар. Я больше не могу себя контролировать. Последние слова врача служат спусковым механизмом, и меня накрывает истерикой. Несмотря на жуткую боль в груди, я начинаю громить все на своем пути.

Вскакиваю с кровати и переворачиваю тикающий монитор. Сама не знаю, где нахожу силы на это. Вырываю катетер из руки, загибаю подушки и швыряю ими в опешившего от моего поведения доктора.

В конечном итоге я забиваюсь под небольшой стол в палате и никого к себе не подпускаю.

Мне дико страшно. Так сильно, как еще никогда в жизни.

Если это и есть кошмарный сон, то он кажется жутко реальным и все никак не заканчивается.

Я не знаю, сколько времени так провожу под столом, мне кажется, что вечность, но выходить оттуда я вовсе не собираюсь.

В один миг слышу голоса. Двое крепких мужчин в белых халатах подходят ко мне и бесцеремонно начинают хватать за руки, вытаскивая меня из-под стола. От этого я вскрикиваю так сильно, как только могу, и расцарапываю одному лицу до крови. Другого разъяренно кусаю за руку.

Я не дамся живой, точно не дамся! В голове то и дело мелькают мысли, что это психбольница. А что, если они ставят надо мной какие-то опыты? Боже, как давно я тут на самом деле?!

В какой-то миг все прекращается. Санитары отстают от меня, а затем и вовсе выходят, пропуская еще кого-то в палату. Я не вижу его, только слышу грубый басистый голос, который приказывает моим мучителям убираться вон.

Взгляд падает на черные ботинки, которые приближаются прямо ко мне. В сердце холодеет. Незнакомец наклоняется и смотрит прямо на меня. Кто это такой?

Мужчина приседает на корточки. Черные густые волосы, яркие зеленые глаза, как у змеи, короткая густая борода. Боже, какой же он большой, словно гора мышц.

Я медленно перевожу взгляд на его руки: огромные лапы стерты до крови на костяшках пальцев. Он бил кого-то!

– Эй, ты чего буянишь тут?

Его голос очень бархатный и низкий, отдает хрипотцой и оттого завораживает. Сам мужчина выглядит очень суровым, даже опасным.

– Кто вы такой?

– Ты что, совсем не помнишь меня?

Смотрю на него. Какой же он красивый. Я точно не видела его раньше. Не смогла бы забыть такую внешность.

– Не знаю, кажется, нет. Оставьте меня!

– Не оставлю. Я Дамир, вспомнила?

– Я не знаю никакого Дамира. Кто вы такой? Что вы хотите?

Он долго смотрит на меня в упор, пристально, словно изучая мою реакцию, а потом выдает то, из-за чего у меня падает сердце куда-то вниз:

– Я твой муж, Стася.

Глава 1. Стася

Я бегу счастливая из университета, крепко сжимая материалы, как вдруг передо мной резко останавливается черный тонированный внедорожник, чуть не сбивая на полном ходу.

Все происходит слишком быстро. Их выходит трое. Огромные головорезы надвигаются на меня, словно стая диких волков. Не проронив ни слова, они грубо заламывают мне руки и затаскивают в машину, а я... от неожиданности даже пикнуть не успеваю.

На мои жалкие попытки вырваться амбалы только глухо смеются. Они большие и сильные, словно танки. Я не могу противостоять ни одному из них. Да и что может восемнадцатилетняя девчонка против трех взрослых мужиков?

От шока меня словно парализует, я цепенею от страха. Это похоже на жуткий нереальный сон, который все никак не хочет заканчиваться. В какой-то момент мне все же удастся пнуть одного из мужиков между ног, после чего тот размахивается и влепляет мне жесткую пощечину.

К горлу тут же подступает тошнота, перед глазами все плывет и мелькают мушки. Ноги становятся ватными, а голова – тяжелой. Кажется, я теряю сознание.

Прихожу в себя оттого, что меня качает из стороны в сторону. Мы уже за городом, так как то и дело наезжаем на кочки. Чувствую сильное жжение кожи на скуле, наверняка будет огромный синяк от удара. Этого еще не хватало, ведь завтра мой первый день учебы.

Господи, меня везут в неизвестном направлении трое незнакомых мужиков, а я из-за учебы переживаю. Мысленно даю себе пинка: о чем я только думаю?

Мой рот заклеен скотчем, я понимаю это, так как губы соприкасаются с чем-то жестким и липким, не пропускающим ни грамма свежего воздуха. Поворачиваю голову к окну. Перед глазами проносятся уже опавшие деревья и кусты. На дворе конец ноября.

Машина несется на огромной скорости. Я не знаю ни ку-

да еду, ни с кем. По обе стороны от меня сидят мужчины, которых я вижу впервые в жизни. Третий сидит за рулем. Их лица страшные, жестокие и угрюмые. В глазах сверкает опасный блеск.

Сердце пропускает несколько гулких ударов. Я чувствую, как начинаю дрожать и невольно всхлипывать, слезы застилают глаза.

В какой-то миг набираюсь мужества, резко вскакиваю с места, отчаянно дергаю за ручку двери, но мою руку сразу же перехватывают стальным обручем. Как же больно! Он выворачивает мне запястье до такой степени, что еще немного – и будет перелом.

Огромный бритоголовый амбал грозно смотрит на меня сверху вниз.

– Сиди смирно, не то снова вырублю.

Когда машина останавливается, я нахожусь уже в разгаре истерики. Меня всю трясет, я совершенно не понимаю, кто эти люди и зачем им никому не нужная студентка-первокурсница медицинского института.

Мужчины выходят из авто, и один из них выволакивает меня следом на улицу, совершенно не церемонясь о моих стертых об асфальт коленках. Я кручусь и извиваюсь, не давая себя тащить. Даже намеренно падаю и отказываюсь идти, но мои попытки ничто по сравнению с силой любого из этих троих.

Уже через мгновение меня затаскивают в какой-то дере-

вянный дом и бросают на пол у стола по центру комнаты. Жгучей болью отзывается отрывание скотча от моих губ, но я не могу упустить такой шанс, поэтому тут же издаю истошный крик:

– Помогите! Спасите, кто-нибудь!

Один из амбалов криво улыбается, поглаживая своей огромной лапой меня по волосам.

– Чего брыкаешься? Сама же ходила по трассе, юбкой виляла. За деньги не бойся, не обидим. Трахаться охота, неделю уже без бабы.

Меня обжигает пониманием, что они почему-то восприняли меня за шлюху, хотя я одета более чем прилично: зимнее платье, куртка, простые ботинки. Ни грамма косметики на мне нет, каштановые волосы только распущены.

– Чт... что?! Нет-нет-нет, я не проститутка! Отстаньте от меня! Я... милицию вызову, вас всех посадят за похищение!

Комнату пронизывает жуткий гогот. Мужчины явно знают это место и чувствуют себя здесь как дома. Они быстро бросают вещи на диван, начинают располагаться. Краем уха я слышу звук открывающегося шампанского.

Один из мужчин – кажется, его звали Ральф – подает мне бокал с алкоголем. Игристое пускает маленькие пузырьки и красиво переливается.

– Выпей, расслабься, а то уж больно нервная.

Я вскакиваю и тут же выбиваю бокал из его рук. Алкоголь, шипя, расплескивается, а на полу звенят осколки разбитого

стекла.

– Вы что, ненормальные? Отпустите меня немедленно, дайте мне уйти!

Моя глупая выходка не остается незамеченной.

В один миг тот, который блондин, достает пистолет из-за пояса и направляет его мне прямо в голову. Затем проводит им от виска к груди, все ниже и ниже. Я кожей ощущаю groboвой холод стали.

– Села! Будь паинькой, и отпустим быстро. Мы просто хотим поиграть. Будешь брыкаться – все равно тебя трахнем, вот только не уйдешь ты отсюда на своих двоих. Вперед ногами вынесут.

У меня замелькало перед глазами. Они не шутят. Эти волки разорвут меня здесь на куски, никто и не найдет моих останков.

Глава 2. Стася

Последние слова этих упырей заставляют меня притихнуть. Только слезы теперь уже градом льются из глаз. Впервые мне настолько страшно за свою жизнь.

После слов блондина я впервые осознаю, что никто из них не собирается останавливаться. Один из них уже довольно пьян. Он выпил залпом два стакана какой-то янтарной жидкости, и теперь его взгляд совсем поплыл и стал просто диким. Двое остальных остаются абсолютно трезвыми, а значит, они отлично понимают, что творят.

Я не знаю, сколько времени это продолжается. Видимо, просто теряю счет часам, или это лишь бесконечные минуты. Мужчины забавляются со мной, как с игрушкой. Они перекидывают меня с рук в руки, вселяя адский ужас и источая предельное удовольствие от происходящего. Их грубый запах отталкивает, а липкие прикосновения вызывают отвращение и рвотные спазмы.

В какой-то момент меня подхватывают на руки и несут к столу. Мое извивающееся, словно уж, тело распластывают на твердой поверхности столешницы.

Их руки, словно тиски, пережимают жизнь в моих руках и ногах, испепеляя всякую надежду на спасение. Если это ад, значит, сейчас я в самом его центре.

Один из них разрывает на мне куртку и довольно присвистывает, увидев мою фигуру.

– Ух, какая! Крошка, а ты хороша! Еще лучше, чем я ожидал. Ен, поддержи ее, хочу посмотреть шкуру ближе.

– Молоденькая совсем, а кожа какая, чистый сахар!

Второй весь татуированный, от него жутко несет алкоголем. В какой-то момент он подхватывает бутылку все с той же янтарной жидкостью и щедро поливает меня ею, отчего мое платье вмиг становится мокрым и неприятным. Волосы слипаются и пропитываются едким запахом спиртного. Я с трудом сдерживаю рвотный спазм. С детства не переношу запаха алкоголя.

Их руки грубые, как клешни, они хватают меня за бедра,

больно сжимают небольшую, но округлую грудь. Единственной преградой от смерти для меня остается полуразорванное платье, которое уже успевает превратиться в бесформенную паклю.

Заикаясь от истерики и слез, я делаю последнюю попытку достучаться до них:

– Прошу, не надо! Вы же не звери, отпустите, умоляю. Оставьте меня!

Тот, которого называют Чика, грязно смотрит на меня.

– Ну-ну, чего брыкаешься? Я же вижу, ты хочешь! Я буду первым.

Он тянет свои руки к моей груди, одним махом разрывая верхнюю часть платья.

– Не-ет! Не хоч... я не хочу! Уберите от меня свои руки! За что вы так, я ничего вам не сделала! Не трогайте, прошу вас...

От шока меня словно парализует. Мне становится трудно шевелить губами. Пальцы рук и ног немеют, а перед глазами все плывет. Я не знаю, что это, я как будто успокаиваюсь, даже становится как-то все равно, где я и что со мной.

Мне вспоминается сегодняшний день, то, как я радовалась, что сдала экзамен и сделала еще один шаг к своей мечте – стать врачом. Теперь все наладится, теперь все...

– Эй-эй... птичка! А ну, не спать. Не спать!

Чувствую грубые шлепки по щекам. Они не дают мне провалиться в такую желанную сладостную паутину, возвращая

в ад происходящего. Я физически не могу больше просить их остановиться, лишь издаю истеричное прерывистое мычание, хриплю, пытаюсь кусаться. Мое сердце ломает грудь, еще немного, и я умру сама, даже раньше, чем они того хотят. От страха.

Проходит еще каких-то несколько секунд, но мне кажется, что это не заканчивается никогда. Меня бьет крупная дрожь по всему телу, и только одна мысль кругами ходит в голове: они точно убьют меня здесь, разорвут на куски...

Сумасшедший поток моих мыслей прерывает грохот распахнувшейся двери. Сразу же доносится сильный запах древесины и мускуса. Грубый, но в то же время бархатный голос заставляет этих зверей на миг остановиться и оглянуться.

А я... я не могу даже сдвинуться с места, оставаясь в таком же униженном положении, распластанная на столе, мокрая, в разорванном платье с выглядывающим оттуда белым бюстгалтером.

– Что здесь происходит, мать вашу?

Глава 3. Стася

Из-за застилающих глаза слез я не сразу могу разглядеть вошедшего, только его силуэт. Очень крупный, широкоплечий мужчина одет во все черное. От него исходит мощная энергетика хищника, которая сразу же обволакивает всю комнату. Кажется, он их вожак...

– Что здесь происходит, мать вашу?

Мужчина подходит ближе. Я хочу прикрыться, но грубые руки все так же продолжают больно удерживать меня. Вошедший точно страшнее этих головорезов. Словно зверь, он пробирается мне под кожу, заставляя сжаться от страха.

Нет, он не повышает голоса, но от его интонации мороз проступает на коже.

Один из моих мучителей, который как раз больно держит меня за руки, спохватывается первым:

– О, Север, мы отдыхаем как раз! Вот, бабочка ночная залетела к нам, сладкая крошка. Присоединяйся, брат.

После этих слов амбал наклоняется ко мне и яростно проводит языком по моей щеке. У меня тут же наступает рвотный спазм. Я кривлюсь и отворачиваю лицо в сторону. Руки уже затекли от удерживания. Я, вся мокрая, зареванная и дрожащая, лежу и люто ненавижу здесь каждого.

Мужчина, которого Фил назвал Севером, подходит ближе к столу, на котором меня держат. Он быстро окидывает мое тело ничего не выражающим взглядом. Оценивает, словно лошадь на рынке выбирает.

Кажется, ему абсолютно все равно. Только взгляд – режущий, грубый, беспощадный. Яркие зеленые глаза, как у ядовитой змеи, источают абсолютное презрение ко мне, словно я значу не больше, чем шнурки на его ботинках.

Черные густые волосы, четко очерченные брови и тонкие губы, изогнутые в хищной усмешке.

«Какой же он красивый», – мелькает в голове почему-то.

Встретясь мы при других обстоятельствах, я наверняка бы тут же испытала трепет рядом с ним. Но сейчас мы именно в таких обстоятельствах, и ему откровенно плевать на меня. Он словно неживой, отрешенный. Как будто весь высечен из камня, и я боюсь его даже больше остальных.

Дамир Северов, он же Север, злится. Я не знаю почему: то ли на то, что начали без него, то ли на то, что ожидал увидеть тут нечто иное.

– Фил, я не понял только одного. Почему вы отдыхаете именно здесь?

Мужчина обходит амбалов и максимально приближается ко мне. Несмотря на подрагивание тела от холода и пелену застилающих глаза слез, я отмечаю, что этот Север одет с иголочки, в отличие от остальных трех. Кожаная куртка, черная рубашка и джинсы такого же цвета. На свету отдает бликами металлическая пряжка ремня.

Я не знаю как, но все-таки нахожу в себе силы взглянуть мужчине в глаза и прохрипеть сорванным от криков голосом:

– Помогите, прошу...

Дамир быстро окидывает меня взглядом. Ссадины на моих руках и синяки на ногах уже наверняка начали проступать. Почему-то он сильно сжимает желваки на скулах. Кажется, ему не нравится увиденное, презрительно отворачивается.

– Чика, что это?

Он указывает на меня так, словно я не больше чем вещь.

И вещь эта находится не там, где положено.

Чика отпускает мои руки и глубоко затягивается сигаретой, выпуская седой дым прямо мне на грудь.

— Это шлюха, брат, парни устали после дела, расслабиться надо. Развлечься решили.

Ральф, который стоит слева от меня, проводит рукой по моему бедру.

— Хочешь, присоединяйся, брат, поделимся. Смотри, какая красная уже, на все готовая. Отличная шкура!

Дамир молчит. Он прямо смотрит мне в глаза.

— Шалава, говоришь? Я первым трахну ее. На хрен вышли все отсюда. Дело мое было, вы все в шоколаде, а я хочу взять свой приз.

После этого Север поднимает руку и грубо проводит костяшкой кулака по моей щеке. Меня пронзает током от этого прикосновения, кожа прямо пылает. Я дрожу и закрываю глаза. Этот мужчина вовсе не добрый защитник. Он не пощадит меня.

Глава 4. Стася

Услышанное ведром ледяной воды обрушивается на меня. Похоже, что Дамир их вожак, раз эти волки вмиг отпускают меня и отходят на шаг назад по первому его зову. Мне не верится, но они делят меня, словно мясо на рынке: кому лопатку, кому филе.

Именно в тот момент я осознаю, что эти звери и за че-

ловека меня не считают, так, игрушка на один раз. Или на несколько раз, тут уже как повезет. Понравится игрушка – поиграют много раз. Не понравится – сломают и выкинут.

Мне жутко больно физически, но еще большее морально. За что они так со мной? Неужели я такое заслужила и, главное, чем? В памяти то и дело всплывают кадры из новостей, где показывали жертв нападения. Похоже, что я стану следующей героиней такой хроники.

В комнате возникает пауза. Мужчины не ожидают, что Дамир не побрезгует и заявит такое. Особенно недоволен Чика. Он нервно курит сигарету и все никак не понимает.

– Я даю тебе быть первым сегодня. Ты заслужил такой подарок, но я не собираюсь уходить отсюда, брат. Дери ее при нас, я следующий.

Он тушит сигарету прямо о мое бедро, отчего я истошно вскрикиваю. На коже проступает жгучий алый ожог. Мне жутко больно.

Север никак не реагирует на это заявление. Он приближается вплотную ко мне и вклинивается прямо между моих ног. Его грубая шершавая ладонь медленно проходится от моей щиколотки до бедра, задирая юбку. Пальцы сильно сжимают через бюстгальтер соски, которые почему-то сразу становятся твердыми, словно горошины. Я замираю и боюсь даже вздохнуть.

– Прошу, остановитесь. Не делайте мне больно...

– Как тебя зовут, кукла?

– Ст... Стася.

– Я большой, терпи, Стася.

Никогда не забуду треск разрывающегося платья. Одним резким движением мужчина превращает его в жалкие ошметки и отбрасывает в сторону. Следом за платьем разрывается и бюстгальтер.

Его глаза в тот момент становятся звериными. Словно дикий голодный волк он кусает мои соски, делая больно и запретно приятно одновременно. Возможно, ласкай он меня так при других обстоятельствах, мне бы даже понравилось, но в тот момент я не чувствую ничего, кроме страха и неприятия.

Когда Дамир разрывает на мне трусики, новая волна паники захлестывает меня с головой. Это была моя последняя защита от него, от них всех. Из-за дрожи и слез я уже плохо вижу окружающих меня мужчин, но все равно слышу их похотливые смешки. Кожей ощущаю, что все они готовятся быть следующими.

Все кажется мне каким-то нереальным. Это просто не может со мной происходить. Только не я, со мной же никогда ничего не происходит, обычная девушка, обычная жизнь.

Вдруг я ощущаю, что мой подбородок грубо сжимают ЕГО пальцы. Дамир поворачивает мою голову и заставляет смотреть прямо ему в глаза. Аромат мускуса продолжает наполнять комнату, клеймясь в моей памяти навеки.

– На меня смотреть. Только на меня.

Я перевожу свой обезумевший от страха взгляд на мужчину. Он не церемонился со мной, будто я точно шлюха, с которой не нужно нежности и ласки. Пряжка его ремня звенит, он расстегивает ширинку и достает оттуда уже эрегированный, просто огромный член.

Боже, мне кажется, что я умру в эту же минуту. Я вообще не представляю, как такая огромная штука поместится в меня и я еще выживу после этого. У меня еще не было секса, это все казалось мне таким особенным, личным. Я честно ждала любви и любимого мужчину, которому смогу доверять. Сейчас же мои мечты сгорали, как папиросная бумага. Я молилась теперь только об одном – выжить после этого.

Шуршание упаковки презерватива снова возвращает меня в реальность. Я совершенно не подготовлена и не знаю, чего ожидать. В моей промежности сухо, я совсем не возбуждена.словно натянутая струна я готовлюсь к худшему.

Мужчина надевает презерватив, раскатывая его по всей длине члена. Он проводит эрегированной головкой по моей промежности и, кажется, издает рык. Я вижу, как он возбужден и хочет меня.

Дамир разводит шире мои бедра, чтобы максимально близко расположиться, после чего резко входит на всю длину.

– А-а-ай!

– Черт, какого?!

Кажется, мой истошный крик пронизывает всю комнату. Такой жуткой, невыносимой боли я не испытывала еще никогда.

– Нет-нет, не надо, мне больно! – я плачу в голос, уже не сдерживаясь. Царапаю мужчину по груди, пытаюсь избавиться от него, но это все равно что бетонную стену сдвинуть.

– Спокойно... блядь, кукла не дергайся, а то порву тебя, не склеят потом!

Словно раскаленный меч пронзает мое тело, разрезая его, растягивая до невыносимости. Он очень большой, он убьет меня. Упираюсь руками мужчине в плечи, стараясь оттолкнуть, но это нисколько не помогает мне отодвинуться от него. Мужчина словно гора из мышц, и он не собирается останавливаться.

Я наивно думаю, что теперь пытка кончилась, но это, оказывается, только начало. Север начинает делать быстрые, размашистые толчки в мое тело. Он не останавливается и не растягивает этот процесс специально, но мне кажется, что это длится вечно.

Его невероятно сильные руки крепко держат меня за талию. Глаза горят опасным огнем похоти, а губы плотно сжаты. Никаких ласковых слов, никакой нежности, которую я ожидала от своего первого раза с мужчиной, конечно, я не получаю.

Я понимаю, что Дамир сдерживает себя, только по вздувшейся вене на его мощной шее. В нем не было никакого со-

страдания. Зверь берет меня безжалостно, жестко, холодно. Зеленые глаза в упор смотрят на меня, прожигают, убивают. Свой первый раз я представляла совсем иным и такой исход могла предположить только в самом жутком кошмаре.

В какой-то момент боль начинает утихать, и я ощущаю больше душевных страданий и унижения оттого, что грубые толчки начали отзываться приятным покалыванием в моем теле. Только не это, я не могла возбудиться от этого жестокого мужчины.

Я не кричу и не прошу остановиться. Лишь продолжаю плакать не столько от боли, сколько от понимания, что только что была прилюдно изнасилована и, что хуже, мое тело возбудилось.

Всхлипываю, когда в один момент мужчина останавливается, выходит из меня и снимает презерватив. Перевожу взгляд на свои бедра. Они все в алой девственной крови.

Поджав под себя ноги, я молча переворачиваюсь на бок и закрываю лицо руками.

Мужчина застегивает брюки и даже не смотрит в мою сторону больше. Наигрался.

– Ух, какая телочка! Север, отойди, я следующий!

Ральф облизнулся и начал расстегивать ширинку, но стальная хватка преградила ему путь ко мне. Еще одно изнасилование я не выдержу. Я это точно знаю. Лучше убейте на месте. Порежьте, пристрелите, ну хоть что-нибудь.

– Стоять! Вы, суки, за лоха меня держите?

Голос Дамира отдает сталью. Мне становится еще более страшно.

– О чем ты?

– И это шлюха, по-вашему? Вы где ее раздобыли? Она девочкой была, нетруной. Девственница, блядь.

– Ну с твоей-то помощью уже нет, так что в чем проблема-то?

Чика явно не хочет долго ждать своей очереди.

– Еще одно слово, Чика, и я прострелю тебе башку.

Север окидывает его таким взглядом, после которого Чика тут же притихает. Знает: Дамир шутики не шутит, пристрелит на месте, переступит и дальше пойдет.

Мужчина разминает шею и бросает уже стоявшим наготове волкам:

– Значит, так: без шуму расходимся по домам. Девчонка со мной поедет.

– Мы так не договаривались, брат, не зарывайся. Шлюха еще не отработала...

Все случается слишком быстро. Север достает пистолет и выстреливает Чике в ногу два раза. Тот сразу же падает и истошно воет от боли, раскачиваясь на полу и зажимая пульсирующую кровью рану руками.

– Еще одно слово, и следующая пуля будет в твоей башке. Назад! Назад, я сказал!

Дамир переводит ствол от одного головореза к другому, хотя я уже сильно сомневаюсь, кто из этих четверых насто-

ящий убийца. Я как могу быстро сползаю со стола и забиваюсь под него в самый угол, дрожа всем телом. Зажимаю рот ладонью от страха. Кажется, что даже зубы мои стучат слишком звонко, привлекая всеобщее внимание.

После выстрелов амбалы медленно отходят от Севера в сторону. Они знают: Дамир Северов никогда не повторяет дважды. Лучше лишний раз не нарываться, а то и правда мозги на стене потом могут остаться.

Я упираюсь спиной в стену, когда вижу, как мужчина подходит к столу, под которым я прячусь. Его черные ботинки хрустят при движении. Мое тело окутывает дикий ужас от понимания, что он не остановится и все-таки отдаст меня остальным.

Наивно полагаю, что, находясь под столом, я под защитой, я в домике и меня никто не найдет. Глупая. Север одним рывком опрокидывает стол и сразу же меня находит. Он снимает с себя кожаную куртку и бросает ее мне. Я боюсь его, но все же беру эту вещь, чтобы прикрыть ею свою позорную наготу.

После этого Дамир подходит ко мне вплотную и ловко поднимает на руки, крепко прижимая к себе. Тело тут же сжимается судорогами от страха этой близости, но никаких сил вырваться у меня больше нет. Болит все тело, голова гудит, а во рту сильно пересохло. Кажется, я теряю сознание, как только этот огромный жестокий мужчина ступает на первую ступеньку при выходе из дома.

Глава 5. Дамир

Эта молодая шлюха сразу возбудила меня. Не знаю, что привлекло в ней больше: ее молодое тело или огромные сияющие глаза. Девчонка отлично изображала из себя жертву: зареванное лицо, полуразодранное платье, страдальческие всхлипы. Зачетно играет, ничего не скажешь.

Удивляюсь, где только парни откопали ее. Настолько молодая, а уже шлюха. Провожу ладонью по ее животу – трясется, вздрагивает от каждого движения. Актриса хренова, сколько таких уже перевидал, только все они шалавами продажными оказываются.

За бабки и не так будешь страдать, вот только доля сомнения все же пробирается мне под кожу, когда вижу ее реакцию на мой член. Подобралась вся, не дышит даже. Возбудилась? Хм. Не думаю. Прикасаюсь к промежности – сухо, как в пустыне. Не понравился, значит, да в целом мне все равно.

Сжимаю ее грудь и ловлю первую волну кайфа. Маленькая, но упругая, точно в ладонь помещается. Не очень люблю такую, но сегодня уж больно голоден, и маленькая сойдет. Секса не было пять дней, сперма уже на мозги давить начала, скоро из ушей польется.

Девка что-то пищит, и это заставляет отвлечься от ее тела.

– Прошу, остановитесь. Не делайте мне больно...

– Как тебя зовут, кукла?

– Ст... Стася.

– Я большой, но тебе ж не привыкать. Терпи, Стася.

Знаю, что с моим размером девки на раз-два кончают, и эта кончит подо мной, без вариантов. Развожу ее худые ноги в стороны, резко вхожу и тут же замираю. Член уперся в явную преграду. Девственница. Чертыхаюсь про себя. Да ну на хрен, быть не может, их уже не осталось.

Девка издает истошный крик боли во все горло, начинает вырываться и царапаться, но я уже не могу остановиться. Ее невольные движения только заводят меня больше, и я захожу еще глубже. Это истинный кайф – ощущать себя первым, растягивать ее, дразнить. Я из последних сил сдерживаю себя, чтобы не отдаться этому кайфу полностью, ведь тогда без разрывов ей не обойтись, а мне это не нужно. Одного раза точно будет мало.

В какой-то момент понимаю, что девочка поплыла, уже и не реагирует сильно, только стонет подо мной, страдальчески так, мать ее. Делаю несколько грубых толчков, просто чтобы кончить. Кукла оказывается невероятно сладкой, хоть и совсем неопытной, вот только волна гнева все больше поднимается во мне. На хрена парни вообще приволокли ее сюда, если она и под мужиком-то ни разу еще не была?

Выхожу из ее тела и кончаю прямо на живот. Смотрю на свой член и бедра девочки. Все в крови. Бинго, блядь, мать ее. Застегиваю брюки. Кукла отворачивается и прижимает ноги к груди. Не понравилось.

– Ух, какая телочка! Север, отойди, я следующий!

Ральф грязно облизывается и начинает расстегивать свои брюки. Молния издает характерный звук. Он выводит меня из себя мгновенно.

– Стоять! Вы, суки, за лоха меня держите?

– О чем ты?

– И это шлюха, по-вашему? Вы где ее раздобыли? Она девочкой была, нетронутой. Девственница, блядь.

– Ну с твоей-то помощью уже нет, так что в чем проблема-то, Север?

– Еще одно слово, Чика, и я прострелю тебе ногу.

Аж руки зачесались сделать это быстрее. Делиться я не намерен.

– Значит, так: без шуму расходимся по домам. Малая со мной поедет.

– Мы так не договаривались, брат, не зарывайся. Шлюха еще не отработала...

Я достаю свой пистолет и, не задумываясь, выстреливаю Чике в ногу дважды почти в одно и то же место. Жаль только пули на такую мразь тратить, потом лучше добыю.

Решать надо быстро. Я просто жадничаю, не хочу делиться такой сладкой конфетой ни с кем. Все. Решено, со мной поедет. Ночь длинная, отработает.

Оглядываюсь по сторонам. Блядь, ну и где она? Подхожу к столу и одним махом опрокидываю его. Она сидит голая в самом углу у стены, пытается руками прикрыться. Бросаю ей свою куртку. Молча беру на руки. Все, девочка, теперь не

отвертишься.

Глава 6. Дамир

Я не знаю, на хрена реально тащу эту девку с собой. Это точно не является жалостью, мне вообще плевать давно и на всех. Скорее это жадность, похоть банальная, голод даже. Не могу не признать, что ее юное тело подействовало на меня словно наркотик, и одного раза с ней мне оказывается чертовски мало.

Вспоминаю нежную кожу куклы с розовыми чувствительными сосками, и член моментально встает колом. Хреново только, что заставили ее, силой принудили, поэтому ей было явно не фонтан в первый раз. Если бы она сама захотела, была бы мокрой, тогда бы я кончил еще раньше, только от одного ее запаха. Давно мне не было так хорошо, даже наличие свидетелей нисколько не смутило. Шлюха... Ха, да она такая же шлюха, как я учитель русского языка.

Снова и снова прокручиваю в голове, как сегодня буду раскладывать эту девочку. О да, малыш, одного раза мне явно мало. Я хочу попробовать тебя по-разному, всю целиком сожрать, убить, а потом воскресить снова.

Разгоняя машину на невероятную скорость, я прокручиваю план действий и не могу придумать ничего лучше, чем отвезти девку к себе домой.

Всю дорогу кукла спит на заднем сиденье моей машины или же просто лежит в отключке. Моя куртка немного сполз-

ла с ее плеча, поэтому я отчетливо мог видеть верхушку ее молодой груди, острую ключицу и соблазнительное бедро.

Наблюдая за ней через зеркало заднего вида, я снова и снова вспоминаю, как брал ее. Так, стоп, если так пойдет и дальше, до дома мы не доедем.

Как ее там зовут, Стася, кажись? Странное имя, да в целом мне похер. Она совсем не двигается, только ее ресницы, точно как у куклы, все время подрагивают, а тело непроизвольно трясется, словно в дикой лихорадке.

Я понимаю, что дела плохи. Так и окочурится раньше, чем я ее трахну во второй раз, уже без свидетелей. Ненавижу зрителей, всю охоту сбивают.

Я выкручиваю печку на всю мощность, хотя сам уже просто плавлюсь от жары. Да уж, не май месяц, вторая половина января как-никак, а на девчонке не то что носков, даже белья нет. Только накинутая моя куртка, которая вряд ли сможет ее согреть, особенно после случившегося.

Я не знаю, сколько девчонку там удерживали, но не думаю, что больше часа, ведь иначе бы она сейчас не сопела у меня в машине, а была бы закопана где-то под первой сосной.

В голове невольно всплывают картинки, как братки играли с девушкой. Они бы ее драли во все щели, а потом бы просто выкинули, и это в лучшем случае. Я знаю их как облупленных, и честно, мне было абсолютно плевать ровно до того момента, как увидел, какую «шлюху» они притащили для развлечений.

Юная, прозрачная от страха малышка, и только огромные голубые глаза, которые молили о помощи. Это не была игра похотливой шалавы. Это был реальный животных страх и настоящие, мать их, слезы, настоящая дрожь и отвращение. Только я ничем не лучше этих тварей, даже хуже. Давно уже такой и не чувствую ничего, кроме звериной похоти и жажды.

Особенно сильно меня накрывает, когда моего реального брата подрезают лезвием, а я сажусь за месть на четыре года. Выхожу из тюрьмы я уже совсем другим человеком. Гораздо злее и хуже, чем был до того. Я ненавижу всех и каждого, безумно хочу крови и мести за потерянное впустую время. Хотя нет, вру, тюрьма все же сделала из меня того, кем я являюсь сейчас. Перегрызу глотку любому, кто посягнет на мое.

Когда увидел, как девчонка брыкалась в руках братков, конечно, не поверил в этот галимый спектакль. Только позже, вглядываясь в проступающие синяки от жестких захватов рук, засомневался в том, были ли эти игры по обоюдному желанию. Ее буквально подкидывало от страха. На лице проступал синяк от удара, но даже это не могло испортить ее красоту.

Детка буквально сводит меня с ума своим телом, своим запахом и тонким нежным голосом. Нет, я не целовал ее, но многое бы отдал за то, чтобы ощутить вкус ее юных пухлых губ.

Паркую машину у входа, подхожу к двери, за которой находится кукла, и открываю ее. Все еще спит, даже на шорох не реагирует. Вытаскиваю ее из салона и направляюсь в дом, предварительно убедившись, что за нами нет слежки.

Кладу девку на диван. Она такая легкая, словно перышко, и совсем не шевелится. Мне не нравится такое ее поведение. Откинет копыта еще, а мне потом думай, куда ее девать.

Хлопаю ее по щеке, несильно, так чтобы очнулась.

– Эй, просыпайся.

Никакой реакции.

– Слышишь меня? Кукла!

В какой-то момент ее веки открываются, и взгляд медленно начинает обретать осознанность. Она узнает меня, и в ее глазах мелькает вселенский, блядь, ужас. Ее пересохшие губы размыкаются в немом крике. Девчонка вскрикивает и начинает отбиваться от меня, как от прокаженного.

Удары Стаси приходятся невпопад, так как она не контролирует себя. Они неточные и слабые. Смеюсь про себя: именно так и дерутся девчонки, которые никогда в жизни не участвовали в драках. Попади она в такую ситуацию в реальности, ее бы вырубил в первые же пару секунд. Мне ее удары кажутся комариными поцелуями, они лишь дразнят меня, заводят с полуоборота. Тише, девочка, не так быстро.

Перехватываю ее руки одной своей, а она, словно змея, извивается и пытается мне выцарапать глаза, хотя едва ли достает мне до груди. Смешная. Видно же, боится до черти-

ков, но набрасывается. Да что с ней такое? Дикая кошка.

Смотрю в ее безумные напуганные глаза. Понятно все. Зрачки расширены, не моргает, дыхание прерывистое, дерганая вся, трясется. Ее движения становятся плохо скоординированными, она словно теряется в пространстве.

Так, все, пора прекращать эту истерику, а то вон гляди, снова в обморок завалится. Трахать полумертвую девку уж точно не хочется.

– Так, а ну, перестань... Тихо. Тихо, я сказал!

Прижимаю ее к дивану, навалившись всем телом, не давая вскочить с места. Все равно голая, далеко не убежит, а куртка уже не спасет.

Рычу. Мой повышенный голос наконец действует на нее, но не так, как мне бы того хотелось. Затихает. Сидит как в прострации, только глазами моргает и ресницами этими своими длиннющими, кукольными.

Делает первый глубокий вдох – уже лучше. Переводит затравленный, болезненный взгляд на меня. Наконец-то осознанный. Узнала. Блядь, не такой реакции я ожидал. Следом за первым узнаванием льются слезы. Много слез, всхлипываний и страха. Стася пищит, вся скукоживается и закрывается от меня руками. Опять двадцать пять...

Смотрю в ее глаза, пристально вглядываясь в их бездну. Сдохнуть можно просто. Море, а не глаза.

– Ты сейчас спокойно встанешь и пойдешь в душ. Ты в крови вся, нужно смыть. Потом вернешься и оденешься в

чистую одежду. Эй, кукла, ты поняла, что я тебе сказал?

Щелкаю рукой перед ее глазами, стараясь вывести девку из прострации, куда она снова, по ходу, свалилась. Медленно переводит на меня затуманенный взгляд. Смотрит пристально так и ресницами своими хлопает. Боится. Меня. Сжимаю кулаки. Хреново.

Осматриваю девочку еще раз. Сидит неподвижно, только сопит и всхлипывать продолжает, глаза уже красные от слез, губы дрожат. Да сколько можно? Мне вот вообще не нравится ее состояние. Она как заторможенная вся, видимо, еще не отошла от шока.

Тяжело вздыхаю, рукой провожу по лицу. Нет, так дело не пойдет. Если она так и будет продолжать сидеть истуканом, я с ней провожусь до самого утра, хотя сам еще планировал трахнуть ее хотя бы разок за сегодня.

– Так, а ну, иди сюда.

Хватаю ее за талию, пытаюсь поднять, но малышка начинает снова выворачиваться и даже умудряется укусить меня за руку. Больно, мать ее. Зубки-то острые.

– Да тихо ты! Да не кусайся, Стася, прекрати!

Услышав свое имя, она словно приходит в себя. Ее тонкий, тихий голосок пробирает меня до костей:

– Нет, пожалуйста! Остановитесь, я сама, сама!

Отпускаю ее. Отхожу даже на шаг.

– Даю тебе десять минут. Если после этого ты не выйдешь чистая из душа, я сам приду, помогу тебе.

Она вся подбирается. Потом, видимо, представляет, что я могу с ней сделать в душе, и все же кое-как встает с дивана. Продолжая все так же кутаться в мою куртку, которая достает ей без малого до колен, плетется в сторону показываемой мной двери душа.

Я честно жду ее десять минут. За это время успеваю откопать свою чистую футболку и шорты. Возвращаюсь, но из душа никто не выходил, а вода так и продолжает звенеть из-за двери. Какое-то липкое чувство поселяется во мне. Подхожу к двери.

— Кукла, время вышло, выходи.

В ответ ни звука. Уснула, что ли, там? Нервы ни к черту. Выбиваю дверь в ванную одним ударом и просто охреневаю от увиденного.

Глава 7. Стася

Открываю глаза: снова незнакомое место. Как я оказалась тут? Совершенно не помню дороги и того, как покинула прошлый дом. Это вовсе не похоже на больницу. Напротив, красиво обставленная комната, дорогая мебель и камин посередине создают впечатление роскоши.

Мне кажется, что на мои веки насыпали тонну песка, а по телу без малого проехался танк. Болит буквально все. Щека все еще горит от удара, ноги и руки ломит от жестких захватов, но особенно сильно саднит там, между ног.

Мне становится плохо. Подсознательно я все еще ощущаю

ЕГО член, как он был во мне, хотя я все бы отдала, чтобы навсегда забыть об этом. Я проклинаю свою судьбу за случившееся, но и на себя зла не меньше, ведь в конце этого кошмара мое тело предало меня и я почувствовала что-то, похожее на удовольствие.

Наверное, я пребываю в каком-то трансе, из которого меня выводит чье-то грубое торможение по плечу. Вздрагиваю и поднимаю взгляд: передо мной снова эти проклятые зеленые глаза хищника. Они светятся золотом, точно как у змеи, и обрамлены в черные длинные ресницы.

Кажется, его зовут Дамир, и сейчас он мне что-то отвечает... Или спрашивает? Не могу разобрать слова, только приятный бархатный голос, слившийся в какую-то далекую, туманную мелодию для меня. Это он, зверь, который сегодня жестоко изнасиловал меня при свидетелях. Я тогда думала, он пощадит меня. Ну почему я такая дура? Беспросветная просто.

В голове то и дело роятся мысли. Они галопом проносятся мимо меня, и я не могу ничего с ними сделать. Зачем зверь не убил меня еще тогда? Ему показалось мало и он решил продолжить?

Жуткий страх новой волной захлестывает мое сознание. Все правильно, эти бездушные твари решили продолжить пиршество, и сейчас все снова повторится. О нет, нет, нет!

Пытаюсь вскочить с дивана, но грубые руки тут же возвращают меня на место. От его прикосновения меня пробирает

током, на коже словно ожоги остаются. Я боюсь его. Мужчин пристально смотрит мне в глаза, сжимая руки в кулаки. Желваки играют на его скулах, злятся. Он точно раза в три меня шире и на две головы выше. Если бы он захотел, то мог бы свернуть мне шею двумя пальцами, даже не напрягаясь. Чего же он медлит? Не наигрался...

Не понимаю, чего он хочет. Зверь пришел закончить начатое и убить меня, чтобы не оставлять свидетелей? Так же обычно поступают бандиты? В том, что он связан с криминалом, у меня уже не было никаких сомнений.

Перед глазами пляшут черные пятна, а сердце бешено колотится в груди, когда мужчина говорит про душ. Зачем это ему? Ах да, наверное, брезгует пользоваться мной, когда я вся в крови. Чистенькую захотел. Подонок! Но вариантов у меня нет, я и правда чувствую себя невероятно грязной, а если бы он еще и мыть меня начал, я бы этого точно не вынесла. Уж лучше утопиться.

Еле поднимаюсь с дивана, перед глазами тут же все плывет. Еще меня сильно подташнивает. Шатаюсь и придерживаясь за стену, на ватных ногах направляюсь в душ. Меня всю водит из стороны в сторону, перед глазами вижу лишь расплывчатые круги.

Задерживаю дыхание, когда прохожу мимо Севера, глаза опускаю в пол. Не могу я смотреть на него, просто не могу. Мне надо остаться одной, чтобы подумать, как выбраться живой из его лап.

Оказавшись внутри ванной, сбрасываю на пол эту чертову куртку, которая напрочь пропитана ЕГО запахом. Нет, как ни странно, он не отталкивал меня и казался даже приятным, но в голове уже зацементировалась ассоциация, кому принадлежит этот аромат.

Первым делом подхожу к зеркалу и просто ужасаюсь. На меня смотрит уже не я. Не могу я выглядеть настолько жалко. Взъерошенные волосы, опухшие, заплаканные глаза и искусанные губы. На одной скуле уже отчетливо проступает синяк от удара одного из тех сволочей. Кажется, его зовут Чика. Да, точно, именно ему Дамир прострелил ногу. Жаль, что не голову.

Тяжело вздыхаю и перевожу взгляд на свое тело. От увиденного у меня перехватывает дыхание. Подношу руку ко рту, чтобы не завывать в голос, ведь зверь стоит за дверью и наверняка все слышит. Господи, я вся в синяках и ссадинах! На ребрах, бедрах и даже руках виднеются красновато-желтые следы от чужих лап. Некоторые уже начали синеть. На бедрах следы уже засохшей моей крови.

Я чувствую себя такой грязной, больной, обиженной. Мне трудно сдержаться, чтобы снова не зарыдать, уже который раз подряд за сегодня. Выглядываю в маленькое окошко ванной: темно. Интересно, сколько уже времени нахожусь в этой преисподней?

В голове вспышками проносятся все, что они творили со мной, все, что ОН со мной сделал. Я больше никогда не смо-

гу полюбить. Мой первый раз с женщиной оказался адом. А возможно, они все такие и я раньше просто этого не замечала. Но хуже всех был Дамир. Он осквернил мое тело и исполосовал душу. В том, что он дьявол, я уже несколько не сомневаюсь.

Мне кажется, что все слезы я выплакала сегодня, но мое лицо снова становится мокрым. Я со всей силы бросаю какой-то флакончик в зеркало, отчего оно покрывается мелкой паутиной трещин. Подбегаю к крану и откручиваю воду на максимум.

Выливаю все содержимое баночек, которые стоят на бортике ванны, в воду. В нос ударяет запах мужского геля для душа. Пахнет свежестью и мятой, но мне кажется, и этого мало. Мало чистоты, ведь никакое мыло не способно смыть с меня чужие прикосновения.

Не знаю, что со мной происходит, но я хочу буквально содрать с себя кожу, чтобы уничтожить из мыслей те прикосновения, которые причинили мне столько боли.

Я тру себя мочалкой снова и снова, но это не помогает заглушить мою боль. Я плачу и продолжаю это делать. Постепенно прозрачная вода окрашивается в алый цвет. Вот она, краска моей первой близости.

В какой-то момент мне становится очень жарко и жутко хочется спать. Я как будто расслабляюсь и даже чувствую облегчение. Все закончилось, а может, только приснилось мне и всего этого кошмара не было на самом деле.

Веки становятся тяжелыми, а мысли, словно жвачка, слипаются в одну кучу. Сил нет подняться из ванны и остановить продолжающую литься воду. Я даже не замечаю, как опускаюсь под воду всего на секунду, всего лишь на миг...

Глава 8. Дамир

Выбиваю эту чертову дверь с одного пинка. Она падает на пол, разлетаясь в мелкие щепки. Куклы нигде не видно. Нет, она не могла вылезти в это окно. Даже с ее точеной фигурой не пролезла бы. Что за чертовщина?

Вода из крана продолжала литься и уже переливается через бортики ванны. В воздухе стоит густой пар, из-за которого образовалась плохая видимость.

Подхожу к ванне ближе и охреневаю просто: девчонка лежит под водой. Полностью. Кажется, что она просто спит, ее глаза плотно закрыты, выражение лица спокойное, мертво-спокойное. Темно-русые волосы волнами развеваются под водой и пеной. Красивая, как русалка, блядь.

Это зрелище завораживает меня лишь на миг. Она такая молоденькая и весьма манящая. В штанах снова пульсирует член, мать его! Точеная талия, тонкие худые ноги, аккуратная небольшая грудь с розовыми сосками. Взгляд невольно падает на ее губы – синие. Черт.

– Дура!

Бросаюсь к ней, протягиваю руки под колени и лопатки. Мигом вытаскиваю девочку из ванной, прижимая к себе. Во-

да стекает с ее тела и волос на пол и на меня. Ее кожа приятно пахнет, она чистая и распаренная. Трясу малышку. Никакой реакции, словно тряпичная кукла, только вся в уродливых синяках и ссадинах. Ее грудь не поднимается. Она не дышит.

– Сука, ты что творишь?!

Понимаю, что счет идет на секунды. Неизвестно, сколько минут Стася пролежала под водой. Утопленница, блядь! Укладываю ее на плитку пола. Сцепляю руки вместе и принимаюсь неистово нажимать ей на легкие, параллельно делая искусственное дыхание. Как только прикасаюсь к ее губам впервые – охреневаю просто. Какие же мягкие и вкусные они, только холодные, точно как у трупа.

– Дыши! Ну же, дыши, мать твою!

Я повторяю это снова и снова, пытаюсь вернуть ее, но нет никакой реакции. Она все еще не дышит. Дурочка, топиться тут мне вздумала. Нет, малыш, так легко от меня никто не уходит. Рано еще, слишком рано.

Снова прикасаюсь к ее губам, вдыхая свой воздух в ее легкие. Ну, давай же, блядь!

Наконец она хрипит и закашливается, открывает глаза. Расфокусированный взгляд, растерянный, дикий. Принимается судорожно хватать ртом воздух, выплевывать воду из легких.

Тяжело вздыхаю. Еще один чертов день. Стоило ли ее тащить с собой, чтобы теперь возиться? Определенно стоило, ради такой-то фигурки и личика кукольного.

Поворачиваю куклу на бок, достаю полотенце и накрываю ее. Девочку буквально трясет от шока.

– Спокойно, тихо, просто дыши. – Приподнимаю ее и усаживаю на пол. – Пришла в себя? Отлично. Что ты творишь, твою мать? Я что, сказал тебе тут топиться?

Переводит на меня затуманенный взгляд. Ну точно не с сей планеты девочка. Пару секунд спокойствия, а потом она узнает меня и тут же забивается в панике под раковину. Голой спиной прижимается к стене, прикрываясь полотенцем чуть ли не до самых ушей. Дуреха, думает, что так я ее не замечу или что полотенце ее хоть как-то защитит? Как маленькая, ей-богу.

– Не надо, умоляю. Не прикасайтесь ко мне...

– Да не дрожи ты, не буду я тебя трахать. – Про себя: «Пока не буду».

Девчонка громко сглатывает и обнимает себя руками, стараясь прикрыться.

Чертыхаюсь. Снимаю с крючка халат и заворачиваю куклу в него. Как только дотрагиваюсь, она вся сжимается, словно в камень превращаясь. Дышит громко, сопит, вздрагивает. Да уж, приволок проблему на свою голову.

– Не нравлюсь, да? Придется потерпеть.

Поднимаю ее на руки, выношу из ванной и усаживаю на диван. Взгляд падает на ее острые коленки и тонкие лодыжки. Красивая, сучка. Одергиваю себя. Не о том сейчас надо думать, Север, не о том.

– Как ты себя чувствуешь, болит что-нибудь? – гаркаю, не умею иначе. Девушка вся сжимается, кажись, даже дышать перестает.

– Не... нет...

Так яростно мотает головой, что у меня даже не остается сомнений: не хочет, чтобы снова касался ее, а придется.

Беру стул и сажусь напротив нее. Провожу ладонью по своему лицу: такого хренового дня у меня давно не было, хотя нет, вру, у меня каждый день хреновый в последнее время.

В голове крутятся сотни мыслей. Куда ее деть? В больничку скинуть нельзя, заметут сразу же. Выкинуть тоже не вариант: ментам настучит, по-любому. Вот что с ней делать?

Достаю пачку сигарет и глубоко затягиваюсь. О да, хоть какое-то облегчение на сегодня. Густой дым сразу же заполняет комнату седым облаком.

– Значит, так. Сейчас ты спокойно лежишься на диван и снимаешь себя полотенце, скидываешь халат.

Она переводит на меня свои глаза – точно блюдца. Море, не меньше. Яростно мотает головой и лишь сильнее сжимает полотенце у себя на груди.

– Не трясись, я просто осматрю тебя. Можешь закрыть глаза, если хочешь.

Девчонка медлит, и меня это выбешивает.

– Если сама не снимешь, сделаю это сам, мне-то похер, но поверь, тебе это не понравится.

Сжимается. Кидает мимолетные короткие взгляды на ме-

ня. Точно звереныш, боится смотреть прямо. Ну же, девочка, шевели мозгами. Наконец принимает правильное решение. Поджимает свои пухлые губы и трясущимися руками медленно разворачивает на себе полотенце.

– Хорошая девочка, а теперь не двигайся.

Ладонью притрагиваюсь к ее коже. Какой контраст. На моем фоне она выглядит белоснежкой. Нежная, ранимая, нетронутая. Была. Сжимаю челюсти.

Начиная с пальцев ног, прохожусь руками к коленям, ошупывая ее на предмет переломов или вывихов. Медленно поднимаюсь выше, но, как только приближаюсь к бедрам, малышка начинает дрожать, закрывает глаза. Хмурится и отворачивается от меня. Чертыхаюсь про себя. Боится.

Пропускаю зону промежности и перехожу к ребрам, стараясь не задеть грудь, а то член уже и так колом стоит. Не надо ей этого видеть – пока. Грубо прощупываю каждое ребро. Прохожусь по выпирающим позвонкам. Нет, вроде ничего не сломано. Только ссадины везде, много ссадин, особенно на шее и руках. Есть ушибы, одна гематома и синяк на скуле.

Взгляд невольно падает на ее промежность. Аккуратная розовая кожа, и такая сладкая, что я еле сдерживаюсь, чтобы снова не наброситься на нее. Сука! В голове крутится вопрос, который надо задать, и лучше сделать это сейчас:

– Стася, болит «там» что-нибудь? Кровит?

Киваю на ее промежность. Это уж я постарался, но, черт, повторил бы снова, даже не задумываясь. В ответ уж слыш-

ком резкое, но молчаливое качание головой: «нет».

Молись, чтобы и правда не было разрывов, не то тебе уж точно не до смеха будет.

Поднимаюсь, беру со стола пузырек с заживляющей мазью и быстро обрабатываю ее ссадины. Царапины на коленках смазываю йодом. При каждом моем прикосновении девушка вздрагивает. От боли ли одной только? Не думаю.

Бросаю на диван свою чистую одежду.

– Надень это и давай на боковую. Завтра поговорим.

На деле уже два часа ночи, скоро вставать надо, а я не спал больше трех суток. Новая сделка вылилась в криминальную сходку, пора с этим завязывать.

Увидев шмотки, девчонка сразу же берет их и поспешно натягивает на себя. И футболка, и шорты оказываются ей просто огромными, но сгодится и так. Даже это ее не портит.

Липкое чувство поселяется в груди, когда смотрю на ее повадки и точеную фигурку. Слишком молодое тело, юное даже. Неопытна она, оказывается, совсем.

Хриплю, в горле чего-то дерет:

– Сколько тебе лет, девочка?

Очень тихо, глядя куда угодно, только не на меня:

– Восемнадцать. Вчера исполнилось.

Выдыхаю. Нет, я видел, что она молодая, но не настолько же. Шестнадцать лет разницы. Приехали, блядь.

Глава 9. Стася

Этот огромный страшный мужчина выходит из комнаты, и я слышу двойной щелчок, как от... ключа. Сволочь, он закрыл меня на замок! Мне точно не выбраться. Вот и взрослая жизнь началась, хуже быть просто не может.

Мне надо бороться, надо защищаться от этого зверя, вот только чем? Оглядываю комнату: ни ножей, ни оружия тут нет. В полутьме она кажется полупустой, словно и не живет никто уже очень давно.

Не найдя ничего лучше простой металлической ручки, крепко сжимаю ее в ладонях и подношу к груди. Вряд ли это хоть чем-то поможет мне, напади зверь снова, но так я чувствую мнимую защиту и спокойствие.

Отворачиваюсь от всего мира и забываюсь беспокойной дремотой на все том же диване. Он кожаный и похрустывает при каждом моем движении, но меня это сейчас волнует меньше всего. Сильная усталость и шок высосали все мои силы. У меня не осталось энергии даже на то, чтобы просить мужчину меня отпустить. Да и есть ли в этом смысл? В том, что этот бандит просто так меня отпустит на свободу, я сильно сомневаюсь.

Мужчина был зол, словно изголодавшийся хищник, который не насытился добычей и явно хотел продолжения. Я это видела в его похотливых взглядах и, конечно, по огромному бугру в джинсах. Молилась только об одном – чтобы Дамир не тронул меня сегодня еще раз. Второго насильного секса я точно не вынесу. Уж лучше пусть прикончит меня на месте

или утопит, как котенка, чтоб уж наверняка.

Я все еще не верю до конца, что все это происходит со мной, ведь я обычная девчонка, ничем не примечательная. Со мной просто не могло такого случиться. Я не заслужила такого обращения, ничем не заслужила. Обычная студентка-первокурсница, будущий врач, простая девушка, которая росла без родителей и всего пыталась добиться сама.

Глаза снова становятся мокрыми. Нет, я жить хочу, рано мне умирать, у меня вон бабушка живая, ждет меня, волнуется. Да и не видела мира я еще, не жила, можно сказать. Всегда скромно, незаметно даже, словно и не было меня никогда.

Пропади я, бабушка не переживет, я это точно знаю, она сына с невесткой уже похоронила когда-то, не вынесет, если и меня не станет. Завтра все пройдет, это просто страшный сон, и ничего не будет. Мне надо поспать, хоть немного.

Я ворочаюсь на этом злосчастном диване, где ОН осматривал меня. Где касался своими огромными загорелыми ручищами, проводил ими по моей израненной коже. Подонок, я никогда его не прощу за то, что он сотворил со мной.

Я не замечаю даже, как начинаю проваливаться в тревожный, беспокойный сон. Сначала мне становится холодно. В комнате явно нет нормального отопления, даже зубы стучать начинают. Тонкая хлопковая футболка и шорты, которые оказываются мне ниже колен, нисколько не согревают. Одежда мне никто не предложил, а я побоялась мужчину о

чем-то просить и лишний раз привлекать к себе внимание. Я лучше сдохну тут от холода, чем обращусь к нему с просьбой.

Не знаю, сколько проходит времени, но я все никак не могу согреться. Ежусь от холода, обнимая себя руками. Странно, я точно чувствую, что в комнате стало теплее, но дрожь в теле не унимается. Такое бывает только тогда, когда я болею.

Совсем скоро меня буквально подкидывает от судорог, но в какой-то момент я чувствую долгожданное тепло. Жар, словно раскаленная лава, медленно расходится по всему телу, окутывая меня в свои объятия. Жутко, просто невероятно болит голова, в висках сильно пульсирует.

Перед глазами то и дело проносится сегодняшний день. Бабушка! Я же не позвонила ей сегодня, не предупредила, что не вернусь! Она ж переживает там одна, а я... Снова проваливаюсь в сон.

Не знаю, сколько я нахожусь в таком полубессознательном состоянии, но прихожу в себя оттого, что меня кто-то качает на руках, крепко прижимая к горячему телу. Мама? Она часто так делала, когда я была еще совсем крошкой и не хотела засыпать.

– Мама...

Затишаю. Нет, это не может быть она. Мама давно умерла, я еще даже в школу не ходила. Я почти забыла, как она пахла и выглядела. Только образ ее помню, прозрачный и уже такой далекий.

Где же тогда я и кто меня качает? Я ничего не понимаю. Спутанное жаром сознание оказывается похожим на тягучую реку, по которой я несусь. Иногда я погружаюсь слишком глубоко, а затем снова вынырываю обратно. Мне больше не холодно, наоборот, становится тепло и даже жарко от соприкосновения с кем-то очень горячим.

Я ощущаю знакомый аромат. Глубокий, сильный, манящий. Я его слышала уже, вот только где? Слишком близко ко мне, слишком запретно.

Щекой ощущаю гулкое сердцебиение. Размеренное, басыстое, чужое. Точно не мое. У меня-то умерло сегодня сердце, рассыпалось на мелкие острые осколки. Кто же тогда касается меня? Кто перебирает мои волосы, убирая их с глаз?

В комнате царит непроглядный мрак, не светит даже свет от луны. Стоит глубокая ночь. Меня явно лихорадит, и совсем нет сил вырываться или даже открыть глаза.

Я помню только то, как мне что-то дают выпить, после чего вскоре судороги проходят, и я, наконец, начинаю засыпать, наслаждаясь ароматом, который определенно нравится мне.

Глава 10. Дамир

Этот гребаный день мне кажется просто бесконечным. Я сижу в кресле и потягиваю коньяк, глубоко затягиваясь крепкой сигаретой, не помню, какой уже по счету за сегодня. Седой туман пропитывает каждую мою клетку, но не помо-

гает унять усталость.

При каждом воспоминании об обнаженной девчонке, лежащей буквально за стеной, у меня колом встает член. Не помню, когда последний раз меня так пронимало. До мозга костей хочу ее всю и по-разному. Максимально грязно и пошло лакомиться ею.

Я закрываю куклу на замок скорее от самого себя, нежели от нее, да и не сбежит она никуда. Когда выходил, уже практически отключалась. Хотя кого я обманываю, меня этот хилый замок только раззадорил. Ощущение того, что уже сейчас я могу вернуться и разложить эту малышку на диване, приятно согревает душу. Я сдерживаюсь из последних сил, чтобы не вернуться к ней и не трахнуть ее снова.

Эта девочка с каштановыми волосами и глазами цвета моря беспощадно манит меня к себе. Ее тело слаще любого меда, и я понимаю, что нисколько не насытился ею, только самого себя раздражил. У меня были девственницы, но они сами прыгали ко мне в койку, и не было с ними никаких проблем. А с этой все не так вышло, вот совсем не так.

Не ожидал я, что кукла целкой окажется. Как же не трахнул ее еще ни один зеленый сверстник? С такой-то внешнею это просто парадокс. Когда рвал ее, ощущал поистине райское наслаждение. Такая тугая, юная, трепетная. Делить ее ни с кем не собираюсь.

Что делать дальше с куклой, еще не решил. По-хорошему бы отпустить ее, но нет, я еще слишком голоден, чтобы так

просто вернуть девчонку.

Кажется, я вскоре наконец отключился, но из пьяной полудремы меня выдерживает какое-то едва уловимое пищание. Улыбаюсь. Не спит малышка, меня ждет. Видать, не умаялась за сегодня, еще хочет. Потерпи, девочка, я уже иду.

Выхожу из кабинета и направляюсь к Стасе. Хм, странное имя, не звонкое, не примечательное, но уже успело забетонироваться у меня в мозгу. Достаю ключ из кармана и открываю двери. Оглядываю комнату. Вокруг царит тьма, едва заметны очертания предметов. Вполне привычно для меня, нравится даже. Я вообще ненавижу включать свет, привычка уже.

Вплотную подхожу к кукле. Чего она пищит тут? Неужели еще хочет? Так мы это быстро поправим. Прислушиваюсь. Нет, она просто беспокойно спит, все бормочет тихо чего-то. Стоп. Что за бред она несет? Прикасаюсь рукой ко лбу. Горит вся. Испарина вон уже выступила, футболка тоже вся мокрая. Сука! Ну на хрена оно мне надо?

Быстро стягиваю футболку с малышки, придерживая ее за спину, и надеваю новую. Случайно задеваю рукой ее голый сосок, и всего аж перетряхивает от возбуждения. Хотя ее грудь и небольшая, но очень аппетитная. Возбуждение накрывает с новой силой, и я едва сдерживаюсь, чтобы не послать все к черту и не взять ее прямо сейчас.

В голове роятся дурные мысли. Кукла заболела, у нее жар. А если не дотянет до утра, что мне делать потом с ней? При-

волок головняк себе, блядь! Роюсь в аптечке и, наконец, откапываю сильное жаропонижающее. Даю выпить его девчонке. Она с трудом, но все же выпивает, жадно глотая воду. Лекарь, блин. Смешно от самого себя.

Минуты тянутся слишком долго, но Стася продолжает вздрагивать. Не пойму ни хрена, она то ли во сне еще, то ли просто бредит, все маму зовет. Ребенок, ей-богу. И на хрена я вообще к ней полез? Уже жалею даже, ведь силой никого еще не брал, бабы всегда сами с радостью ноги расставляли. Насильников на дух не переносу, а теперь, можно сказать, тоже в их ряды записался.

Черт попутал ее за шлюху принять. Понятно, что она боится теперь меня будет, а отмотать все назад уже не получится. Не выйдет, как ни крути.

– Так, а ну, иди сюда.

Беру девочку на руки, прижимаю к себе. Не знаю, зачем так делаю. Она кажется невесомой, не кормят ее, что ли, совсем? Как дикий звереныш, кукла вся зажата, точно комок нервов, вздрагивает все время. Пальчиками своими крепко сжала мою футболку, носом прислонилась к груди. Глаза закрыты, ресницами этими закрученными обрамлены. Губы ее пухлые, красные от температуры, такие манящие. Отвожу взгляд в сторону от греха подальше. Сейчас все равно толку от нее не будет.

Начинаю расхаживать с куклой на руках по комнате, покачивая ее в такт своим движениям. Ее глаза плотно закрыты,

поэтому она не тряслась от меня, а наоборот, даже прижималась и сопела мне грудь. Это оказывается чертовски приятно – вот так просто прижимать ее к себе, вдыхать запах волос и наслаждаться близостью, пусть даже такой призрачной.

Не поверил бы никто, если бы узнал, что Дамир Северов расхаживает тут с девчонкой на руках, пытаясь даже лечить ее, но да, сейчас мне это определенно нравилось.

Минут через пятнадцать девочка затихает. Ее дыхание становится тихим и размеренным. Жар спал, она крепко уснула, расслабилась в моих руках. Укладываю ее на диван, из своей комнаты тяну большое одеяло. Знаю, дебил, что не сделал этого сразу, не привык ни о ком заботиться. Всегда один, да и не нужен никто мне, среди всех этих зверей нет места дому.

Заворачиваю куклу в одеяло как в кокон, точно бабочку. И что мне делать теперь с ней? Потрахаюсь, блядь.

Глава 11. Стася

Я просыпаюсь от невероятной жары во всем теле. С трудом сбрасываю с себя просто гигантских размеров одеяло, в которое оказываюсь закутана чуть ли не до самых ушей. Странно, зверь ведь не давал мне его вечером. Я не помню такого. Засыпала я точно без одеяла, а еще... мне было жутко холодно.

Осматриваюсь по сторонам: все тот же незнакомый интерьер, а это значит, это все был не сон. Слез больше нет, я не

пила почти два дня, и, наверное, уже просто нечем плакать. Взгляд невольно падает на футболку, в которой я лежу. Она также изменилась, я точно помню. Та, первая, была черная, а эта – темно-синяя...

В груди больно колет опасение. А вдруг он меня чем-то накачал и снова изнасиловал? Или привел своих дружков и они вместе забавлялись со мной? К горлу подкатывает тошнота, и меня выворачивает прямо у дивана. Спазмы в животе и горечь во рту сейчас наименьшее из моих зол. На полу у дивана замечая бутылку с водой и жадно выпиваю ее. Становится легче.

Прислушиваюсь к себе: ничего нового вроде не болит, следов спермы тоже нигде нет. Он не мог, не стал бы, или все-таки... По телу проходится стая мурашек. А что, если я забеременею после вчерашнего или заболēju чем-то? Зверь точно предохранялся, но что было, пока я спала? Предательски урчит живот, и я вспоминаю, что не ела ничего со вчерашнего утра.

Лихорадочно оглядываюсь по сторонам, пытаюсь отыскать свое единственное оружие, которое припасла вчера, – металлическую шариковую ручку, но ее нигде нет. Что со мной будет? Зверь вернется и продолжит начатое? Или дождется своих дружков и они повторят вчерашний банкет? А вдруг он не хочет оставлять живого свидетеля и просто убьет меня? Что мне делать? Что делать?!

Вскакиваю с дивана и подбегаю к окну. Решетки. Метал-

лические прутья слишком близко расположены, никак не пролезть, но я все равно попытаюсь. Во всей силы швыряю стул в окно. Неприятно и звонко трещат разбитые стекла, разлетаясь осколками по полу в разные стороны. За этим занятием меня и застает Север.

Мужчина уверенно заходит в комнату, и я стараюсь слиться со стеной. Он молча оглядывает мою жалкую попытку побега, ступая ботинками прямо по стеклу. Уголок его губ держится в усмешке. Да он издевается?!

– Далеко собралась, мартышка? Вижу, очухалась уже.

Его мнимое спокойствие давит мне на мозги. Я не знаю, чего от него можно ожидать, уж точно не радостных объятий и горячего бульона на завтрак. Так и стою перед ним у стены босая, стараясь не загнать себе в ноги острые ошметки стекла.

– Ты что здесь устроила, совсем с катушек съехала?

– Отпустите меня! Пожалуйста, мне надо домой, я никому ничего не скажу, правда!

– Не скажешь, конечно, если не хочешь быть закопанной в ближайшем лесу вместе со своей бабушкой. У тебя же есть бабушка, а, Стася?

Как он узнал? Он следил за мной или уже знает, где я живу? А вдруг он уже ей что-то сделал? Сердце пропускает несколько тяжелых ударов. Мой контроль трещит по швам. Отталкиваюсь от стены и яростно замахиваюсь на мужчину, теряя самообладание. Я пойму свою ошибку уже через се-

кунду.

– Не смейте трогать бабушку! Вы зверь бездушный!

Дамир мгновенно реагирует и перехватывает мою руку, больно сжимая ее своей. Он оказывается намного выше, чем я вчера предполагала. Я едва достаю ему до груди. Огромный, словно скала, он выжидает, но меня уже несет.

Я не замечаю сразу, как в ногу впивается острый осколок стекла. Кожу больно жжет, из нее начинает сочиться алая кровь.

– Ай!

– Да что ж ты творишь, глупая!

Мужчина легко подхватывает меня на руки. Я воплю и сопротивляюсь изо всех сил, но мои жалкие попытки вырваться ни к чему не приводят. Он огромен и невероятно силен. Мужчина усаживает меня на стул и ловко вытаскивает стекло из ноги. Когда он проливает перекись на рану, я шиплю от боли.

– Спокойно! Села смирно, я сказал! На первый раз я тебе прощаю эту глупую ошибку, но не смей впредь поднимать на меня руку. Я всегда даю сдачи.

Он внимательно на меня смотрит, убивая прямо этими своими зелеными глазами.

Я мешкаю. Перевожу взгляд на его руки, которыми он обматывал мою стопу бинтом. Да, такими руками ему не составит труда убить человека, и никакого оружия не надо. Кожу неприятно жжет, наверняка будет болеть еще долго.

Как ни стараюсь, я не могу прочитать на его лице ни одной эмоции. Внешне он совершенно спокоен, только глаза метают молнии в мою сторону, зелень его зрачков окутывает меня, погружая в бездну. У него поистине змеиный взгляд.

Мужчина завязал бинт и резко отстранился от меня. Я дернулась в сторону, сама не знаю, чего испугалась. Застыла словно.

– Отмирай, Стася. Через пять минут жду в машине.

После этого он просто выходит, а я остаюсь стоять на месте. Куда он собрался везти меня? Надеюсь, что не в лес...

Глава 12. Дамир

Меня забавляет ее прыткость, но бесит невероятная глупость. Неужели думает, что не услышу звук разбитого стекла?

Сегодня кукла определенно выглядит лучше, вот только синяки и ссадины на теле стали еще отчетливее. Я сумел их разглядеть, когда крепко перехватил ее руку, даже и не заметил, как сжал слишком сильно.

Не успеваю докурить сигарету, как вижу ее, прихрамывающую, но выбегающую из моего дома. В той же футболке и шортах. Босиком в десятиградусный январский мороз она осторожно ступает по снегу после ночного жара. Чертыхаюсь про себя. Надо было ее одеть хоть во что-то, дать какую-то обувь. Ладно, по пути разберемся.

Подходит к машине, с ноги на ногу переминается, но за-

лезать боится.

Сажусь сам в машину и открываю ей дверь изнутри. Ма-
ется, но не залезает. Тоже мне принцесса.

– Вижу, тебе здесь понравилось? Так оставайся. – Начи-
наю закрывать дверь.

Ее глаза округляются. Рука резко тянется к ручке, при-
держивая ее, чтоб не закрыл. Закопошилась вся, спешит за-
лезть в салон и сразу максимально далеко отодвигается от
меня. Вжимается в дверь так, словно слиться с нею хочет.
Странная она все же.

Выкручиваю печку на всю мощность. Салон мгновенно
заполняется теплом. По моей спине катятся капли пота. Жа-
ра невероятная, но кукла вон в одной футболке сидит, да еще
и босиком.

– Где ты живешь? – гаркнул, достало возиться с ней.

Молчит. Сжалась вся. Хорохорится, как воробей, но тря-
сется, точно заяц. Сладкая. Розовые губки поджала, кусает
их. Дуреха, не знает, как меня это заводит.

– Не хочешь, не говори. – Резко останавливаю машину и
круто разворачиваю руль в обратную сторону. – Ты молчи,
мне же лучше, дома вон отопрею сейчас, все равно жутко
голоден остался.

– Вы... правда, домой меня отвезете?

– Нет, блядь, под сосной прикопаю, снежком притрушу.
Кукла, мозгами шевели!

– Пав... Павленковская, 20! Я живу на Павленковской, 20!

Перевожу взгляд на нее и улыбаюсь уголком губ. Забавная девчонка. Вроде и не ревет уже, но и не смотрит на меня. Отвернулась к окну, держится за ручку двери, готовая выпрыгнуть на полном ходу, если потребуется. Вон руки уже побелели, так сильно сжимает ручку, хоть бы не оторвала случайно.

Доезжаем быстро. Это оказывается старая пятиэтажка в одном из спальных районов города. Глушу двигатель. Мы так и сидим молча, в гробовой тишине. Не знаю, чего жду. Нечего мне ей говорить. Прочищаю горло.

– Ты это, держи, обувь себе купишь.

Бросаю ей белый толстый конверт на колени.

– Что это?

– Сама знаешь.

Открываю окно и закуриваю сигарету. С улицы доносится морозный ветер, кожу только щекочет. Девочка осторожно берет конверт в руки и открывает его. Ее губы начинают дрожать, на глаза наворачиваются слезы. Конверт плотно набит деньгами, я уж не пожалел купюр.

– Думаете, это возместит мне ту боль, что я пережила? Или сотрет из памяти, как вы измывались надо мной толпой? Я никогда не прощу вам то, что вы сделали со мной!

Со всей дури швыряет мне в грудь конверт, из которого по всему салону разлетаются крупные купюры. В тот же миг эта малахольная открывает дверь и выбегает из машины. Как была, босиком. Прощмыгивает в двери подъезда как раз в

тот момент, когда какая-то старушка выходит оттуда с большими сумками.

Затягиваюсь сильнее сигаретой, выпуская седой дым. Не догоняю ее, а лишь только завожу мотор и резко выезжаю со двора. Паршиво на душе как-то, неправильно. Ха, а ведь действительно не продажная сука оказалась, удивительно, ду-мал, такие уже не водятся.

Пусть убегает, не взяла деньги – ее дело, вот только если заявит на меня сегодня – я знаю, где она живет. Найду и трахну так жестко, что мало не покажется.

Глава 13. Стася

Я бегу по ступенькам на третий этаж в свою квартиру, размазывая слезы по лицу. Ноги отбирает от холода бетона, по которому спешно ступаю. Кажется, они просто окоченели уже, но мне все равно, ведь я дома. Он позволил мне уйти, все закончилось, теперь все будет хорошо. Все прошло, прошло. Я живая, и это главное.

Горькие слезы душат меня, но я стараюсь их подавить. Купить меня вздумал? Чтобы продалась ему за какие-то жалкие бумажки или хочет грехи свои так откупить? Не выйдет, я молюсь за то, чтобы этот подонок горел в аду так же, как горела в нем я вчера. Пусть загнется там от боли, пусть сгниет вместе со своими друзьями или перестреляют они друг друга. Мне все равно.

Я нисколько не жалею, что не взяла его конверт, хотя

и жили мы с бабушкой небогато. Часто приходилось недоедать. Ее пенсия была минимальной, а я перебивалась заработком официанткой, пока не получила стипендию на учебе. Так и жили: скромно, но дружно. Пусть подавится своими деньгами, мне ничего не нужно от него!

Дойдя до своей такой родной двери, останавливаюсь. Надо успокоиться, отдышаться, перестать реветь и всхлипывать, а то сильно напугаю бабушку. Любаша, так я ее называю, сильно в возрасте у меня, болеет. Ни к чему ей волноваться. Она мне и мама, и папа в одном лице. Все для меня с шести лет, когда родителей не стало.

Так, спокойно, надо что-то придумать. Почему меня не было дома сутки? Почему я в таком виде?

Ночевала у подруги Таньки, там же и испортила одежду. А обувь... надеюсь, Любаша не заметит этого. Перевожу дух и смело стучу в дверь. Ключи я потеряла вчера вместе с сумочкой, а звонок у нас сроду не работал.

Звоню долго, снова и снова, но никто не открывает дверь. Стучу еще раз, сильнее, снова и снова. Да где же ты, ба? Тяжелый камень начинает оседать на плечи. Хоть бы ничего не случилось.

– Бабушка! Любаша!

Тело пробирает новая волна дрожи. Где она? Почему так долго не открывает?

– Ба, открой, это Стася!

К горлу подступает нервный ком. В висках пульсируют се-

кунды ожидания. Краем уха слышу скрип открывающейся соседской двери. Это тетя Вера – женщина, не сильно моложе моей бабушки, ее лучшая подруга. Уж она-то точно знает, где Любаша запропастилась.

– Стася? Девочка, это ты, что ли?

Соседка выглядывает из-за двери и щурится, разглядывая меня.

Киваю, сил отвечать уже нет.

– Господи, милая, что с тобой случилось? Что за вид...

– Где бабушка, баб Вер, почему она так долго не открывает?

Соседка достает из кармана черный шелковый платок и утирает им глаза.

– Деточка, умерла Любаша наша, вчера в обед увезли. Врачи сразу сказали – обширный инфаркт. Не смогли спасти, видать, доехать не успели. Холодную уже нашли. Ой, горе-то какое! Что же это творится!

Кажется, у меня что-то со слухом, я не могла это услышать. Меня словно парализует. Нет, такого просто не может быть, Любаша не бросит меня совсем одну, она же прекрасно себя чувствовала вчера утром, когда помогала собираться на учебу. Как всегда, бодрая и энергичная, она хозяйничала на кухне, когда я уходила. Обещала к вечеру напечь пирогов с вишней, я их просто обожаю.

– Баб Вер, что вы такое говорите?! Не может быть такого, не может...

– Ты это, деточка, заходи ко мне. Нечего тебе пока в квартире одной куковать.

Соседка выглядит сильно обеспокоенной, все роняет слезы на платок, а я... застываю на месте. Отдергиваю руку от ручки двери, словно обжигаясь о ее металл. Никто меня не ждет теперь тут. Любаша, родная моя, я даже не успела попрощаться с тобой. Я не успела сказать, как сильно люблю тебя.

В какой-то миг в голове словно что-то переключается, ломается и сгорает. Я вскакиваю и несусь вниз по ступенькам, игнорируя крики соседки.

Мне нужно найти бабушку, попрощаться с ней. Я не верю, что ее больше нет. Инфаркт не всегда убивает, а соседка могла что-то напутать. Она всегда все забывает. То воду не выключит, то двери не закроет. Мне срочно нужно в больницу, в кардиологию. Наверняка она там.

Я несусь по дороге босиком, не ощущая холода. Кажется, я вообще уже ничего не чувствую, а вместо меня по улице ходит только безликая оболочка. Мне снова становится жарко, хоть при каждом выдохе вижу морозный пар перед собой. Все кажется каким-то нереальным, пластиковым, ненастоящим. На лицо падает снег, он быстро тает на моих разгоряченных губах. Это могло бы быть красивым, если бы слезы не застилали мне глаза.

Я перебегаю дорогу, но меня качнуло в какой-то момент. Голова внезапно кружится, перед глазами мелькают круги –

то ли от голода, то ли от шока. Всего лишь на секунду я теряю внимание и не замечаю, как быстро несется на меня белая маршрутка прямо из-за угла.

Тупой удар, и острая боль тысячами ножей пронизывает мое тело. Кажется, я сразу теряю сознание после падения на заледенелый асфальт. Наверное, белые снежинки продолжают падать мне на лицо, умирая на нем, но этого я уже не вижу.

Глава 14. Дамир

Уже семь суток, как я сгораю от жажды и каждую ночь корю себя за то, что так легко отпустил девчонку. Она видится мне практически все время, я даже запах ее помню, чертовщина какая-то. Порой мне кажется, что я слетел с катушек, ведь теперь подруг на ночь я выбираю особо тщательно – чтобы были предельно похожими на нее. На нее, мать ее! Тело, волосы, глаза. Они все были похожими, но ни одна не была ею.

Трахая очередную подружку на ночь, я четко вижу перед глазами Стасю. Я долблюсь в похотливое тело продажной девицы и понимаю, что это и близко не похоже на то, что я чувствовал с малышкой.

Деньги мои не взяла, дурочка. Я видел ее разорванные вещи тогда еще, в первый раз. Дешевые тряпки с рынка, простые и заношенные, точно не подходящие молодой девушке.

Гордая – ха, видел я ее гордость, когда ломал, когда брал

ее тело. Как убивал, а потом возвращал к жизни. Все в ней ненормально, вот только чего же не выходит она никак из головы? Грызу себя и не нахожу ответа. Зря отпустил, моя она уже. Костями лягу, но моей будет добровольно. Я ее первым был, я и последним стану.

В голове уже третий день крутиться одна и так же мысль. Мне нужно ее увидеть. Неважно где и как, я просто сдохну, если не увижу, что с ней все нормально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.